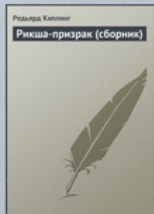

Редьярд Киплинг

Бя-а, бя-а, Черная овца

*Часть сборника
Рикша-призрак (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг Бя-а, бя-а, Черная овца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648576

Аннотация

«Айя, хамаль и Мита, грязный, толстый мальчуган в красном с золотом тюрбане, уложили Понча в постель. Юди, уже закрытая занавесками от москитов, почти засыпала. Пончу было позволено не ложиться до обеда. Многие привилегии были даны Пончу за последние десять дней. Много доброты и снисходительности проявляли окружающие ко всем его шумным и беспокойным выходкам. Теперь он сидел на краю постели и преспокойно болтал голыми ногами...»

Содержание

Первая корзина	5
Вторая корзина	17
Третья корзина	31

Редьярд Киплинг

Бя-а, бя-а, Черная овца

* * *

*Бя-а, бя-а, черная овца,
Есть ли шерстка у тебя?
Есть, есть, три корзины полные.
Одна для мамы, одна для папы,
И ни одной для мальчика, который кричит.
Колыбельная песня*

Первая корзина

Когда я был в доме отца, мне жилось лучше.

Айя, хамаль и Мита, грязный, толстый мальчуган в красном с золотом тюрбане, уложили Понча в постель. Юди, уже закрытая занавесками от moskitov, почти засыпала. Пончу было позволено не ложиться до обеда. Многие привилегии были даны Пончу за последние десять дней. Много доброты и снисходительности проявляли окружающие ко всем его шумным и беспокойным выходкам. Теперь он сидел на краю постели и преспокойно болтал голыми ногами.

– Понч-бэбэ ляжет спать? – вопросительно намекнула айя.

– Нет, – ответил Понч. – Понч-бэбэ будет слушать сказку о Рэнни, который превратился в тигра. Мита будет рассказывать, хамаль спрячется за дверь и будет реветь, как тигр, когда будет нужно.

– Но мы разбудим Юди-бэбэ, – пробовала возразить айя.

– Юди-бэбэ не спит, – пропищал тоненький голосок из-за занавески. – «Жил был в Дели Рэнни...» Говори дальше, Мита, – и она спала уже, когда Мита начал рассказывать сказку. Никогда еще не исполнялась просьба Понча о сказке с такой готовностью, как сегодня.

Он сидел и размышлял, а хамаль рычал, как тигр, во всех углах комнаты.

– Будет! – властно остановил Понч. – Почему не идет папа, чтобы сказать, что пришел дать мне пут-пут?

– Понч-бэбэ уезжает, – сказала айя. – На будущей неделе Понча-бэбэ уже не будет, и некому будет брать меня за волосы. – Она смотрела грустно на мальчика-хозяина, который был очень дорог ее сердцу.

– По железной дороге? – спросил Понч, вставая на постели. – До самого Нассика, где живет Ренни-тигр?

– Нет, в этом году не в Нассик, маленький сахиб, – сказал Мита, сажая его на плечи. – Туда к морю, где растут кокосовые орехи, а потом через море на большом корабле. Возьмешь с собой Миту в «Билант»?

– Всех возьму! – провозгласил Понч с высоты своего величия, сидя на плечах Миты. – И Миту, и айю, и хамалю, и Бини-садовника, и сахиба капитана, всех.

В голосе Миты не звучала насмешка, когда он возразил: «Сахиб очень милостив», кладя маленького человека в постель, в то время как айя сидела в дверях, освещенная лунным светом, и убаюкивала его бесконечным, протяжным гимном, который пела обыкновенно в римско-католической церкви. Понч свернулся клубочком и заснул.

Утром Юди разбудила его возгласом, что в детскую прибежала крыса, и он забыл сообщить ей удивительные новости. Да, пожалуй, Юди и не поняла бы важности события, так как ей было всего три года. Пончу было уже пять, он знал, что путешествие в Англию гораздо привлекательнее поездки

в Нассик.

Папа и мама продали экипажи и фортепиано, опустошили весь дом и сократили расход посуды для ежедневного обихода и долго совещались над связкой писем с почтовым штемпелем Роклингтона.

– Всего хуже то, что нет ничего определенного, – сказал папа, дергая ус. – Письма сами по себе прекрасны, но предложения довольно умеренны.

«Всего хуже то, что дети будут расти вдали от меня», – подумала мама, но вслух этого не сказала.

– Нам остается только один выход из сотни, – с горечью сказал папа. – Через пять лет ты снова будешь дома, дорогая.

– Пончу будет уже десять, Юди восемь. О, как долго будет тянуться время! И они будут жить среди чужих людей.

– Понч очень общительный мальчуган. У него везде будут друзья.

– А кто будет любить мою Ю?

Они долго стояли потом поздно ночью над постельками в детской, и, мне кажется, мама тихо плакала. Когда папа вышел, она встала на колени у постельки Юди. Айя смотрела на нее и молилась, чтоб мэмсахиб не потеряла навсегда любовь своих детей, которых брали у нее, чтобы отдать чужим людям.

Молитва мамы была несколько нелогична. «Пусть чужие люди любят моих детей и будут добры к ним так же, как я, но пусть любовь и доверие моих детей ко мне сохранятся на-

всегда, навсегда. Аминь». Понч потянулся во сне, Юди слегка застонала.

На следующий день все отправились к морю, и там, на берегу, Понч и Юди узнали, что Мита и айя остаются дома. Но прежде чем Мита и айя успели осушить слезы, Понч увлекся тысячью новых и интересных вещей на пароходе, где были толстые канаты, блоки и паровая труба.

– Приезжай опять, Понч-бэбэ, – сказала айя.

– Приезжай, – сказал Мита, – и будь бурра сахиб (большой человек).

– Да, – сказал Понч, поднятый отцом, чтобы послать последний привет провожающим. – Да, я приеду и буду бурра сахиб балагур (совсем большим человеком).

В конце первого дня Понч просился скорее в Англию, а потом была сильная качка, и Понч очень страдал.

– Когда я вернусь в Бомбей, – сказал Понч, поправившись немного, – то буду ездить по дороге в экипаже. Это очень гадкий корабль.

Швед лоцман утешал его, и с течением времени он опять изменил свое мнение о путешествии. Он видел и слышал так много нового, что скоро почти забыл и айю, и Миту, и хамалю и с трудом вспоминал некоторые индостанские слова, хотя это и был его второй родной язык.

С Юди было еще хуже. За день до прибытия парохода в Саутгэмптон мама спросила ее, хочет ли она видеть опять айю. Голубые глаза Юди повернулись к морю, которое по-

глотило все ее короткое прошлое, и она равнодушно сказала:

– Айя! Кто айя?

Мама заплакала, а Понч удивился. В первый раз в жизни он услышал просьбу мамы не давать Юди забывать ее. Он знал, что Юди совсем еще маленькая, такая смешная маленькая... За последние четыре недели мама каждый вечер приходила в каюту, чтобы уложить спать ее и Понча и спеть им песенку на ночь. Он не понимал, как можно забыть маму, но обещал маме и считал своей обязанностью исполнить обещание. Когда мама вышла из каюты, он спросил Юди:

– Ю, ты будешь помнить маму?

– Буду, – ответила Юди.

– Всегда помни маму, я дам тебе за это кусочек парусины, который отрезал мне рыжеволосый капитан сахиб.

Юди обещала всегда помнить маму.

И много раз еще мама просила его о том, то же самое говорил папа с такой настойчивостью, что мальчику делалось страшно.

– Ты должен скорее выучиться писать, Понч, – говорил папа, – чтобы уметь писать нам письма в Бомбей.

– Я буду приходить к тебе в комнату, – сказал Понч, и папа всхлипнул при этом.

Мама и папа так часто всхлипывали в эти дни. Когда Понч уговаривал Юди «не забывать», они всхлипывали. Когда Понч, развалясь на диване в гостинице в Саутгэмптоне, облекал свои мечты о будущем в пурпур и золото, они всхли-

пывали. Но больше всего всхлипывали они, когда Юди протягивала губки для поцелуя.

И так в течение всего их продолжительного странствования по суше и воде Понч был предоставлен самому себе. Юди, конечно, ничего не понимала, а папа и мама были грустны, рассеянны и часто плакали.

– Где же наш брум-гхари? – спрашивал Понч, утомленный поездкой в каком-то отвратительном приспособлении на четырех колесах, с тяжелым навесом для багажа наверху. – Где наш собственный брум-гхари? Этот стучит так сильно, что я не могу разговаривать. Когда я был на железной дороге, прежде чем мы уехали сюда, я видел сахиба Инверарити, который сидел в нем. Он сказал, что это его брум-гхари. А я сказал: «Я подарю вам наш брум-гхари». Я люблю сахиба Инверарити. Он засмеялся, а я спросил его: «А можете вы просунуть ноги в отверстия для вожжей?» Он сказал: «Нет», – и опять засмеялся. А я могу просунуть ноги в эти отверстия, как в окошки. И здесь тоже могу. Смотри! О, мама опять плачет! Я не знал, что этого нельзя делать. Я не буду.

Понч все-таки высунул ноги в окошко, дверца отворилась, и он соскользнул на землю, попав сразу в целый каскад узлов и чемоданов. Экипаж остановился у маленького мрачного дома; Понч съежился и с неудовольствием посмотрел на дом. Он стоял среди песчаной дороги, и холодный ветер щипал Понча за ноги.

– Уедем отсюда, – сказал он. – Здесь нехорошо.

Но мама, папа и Юди также вышли из экипажа, затем оттуда взяли весь багаж и внесли в дом. В дверях стояла женщина в черном и широко улыбалась сухими, потрескавшимися губами. Позади нее стоял мужчина, высокий, костлявый, седой и хромой на одну ногу, а из-за него выглядывал черномазый мальчик лет двенадцати. Понч оглядел всех троих, затем смело пошел к ним, как привык выходить в Бомбее к приходящим к нему играть на веранду.

– Как поживаете? – спросил он. – Я Понч.

Но все занялись багажом, кроме седого господина, который пожал руку Пончу и сказал, что он «славный паренек». Затем Понч забрался на диван в столовой и наблюдал, как кругом бегали и суетились с тяжелыми сундуками и чемоданами.

– Мне не нравятся эти люди, – сказал Понч. – Но ничего. Мы скоро отсюда уедем. Мы нигде не живем долго. Мне хотелось бы только поскорее вернуться в Бомбей.

Желанию этому не суждено было, однако, исполниться. Через шесть дней мама со слезами показывала женщине в черном одежду Понча, что вовсе не нравилось ему.

– Но, может быть, это новая, белая аяя, – рассуждал он. – Только почему же я зову ее Антироза,¹ а она не зовет меня сахиб. Она все называет меня Понч, – сообщил он Юди. – Что такое Антироза?

¹ Aunt Rosa, т. е. тетушка Роза.

Юди не знала. Ни она, ни Понч никогда не слышали, чтобы кого-нибудь из окружающих называли тетя. Их мир ограничивался папой и мамой, которые все знали, все могли позволить и всех любили, даже Понча и даже тогда, когда он, невзирая на уговоры отца, забивал ногти землей после того, как их только что почистили ему.

Неизвестно, по каким соображениям Понч находил допустимым существование обоих родителей между ним и женщиной в черном с черноволосым мальчиком, хотя не был доволен обоими последними. Ему понравился только седой человек, который выразил желание, чтобы его называли Онклегарри.²

Они кивали друг другу головой при встречах, и седой человек показал Пончу маленький корабль с приспособлением, по которому он скатывался вниз и поднимался вверх.

– Это модель «Бриска» – маленького «Бриска». Она была выставлена в Наварино. – Седой человек говорил торжественным шепотом эти слова и прибавлял мечтательно: – Я расскажу тебе о Наварино, Понч, когда мы пойдем вместе гулять. Только не нужно трогать кораблик, потому что это «Бриск».

Задолго до этой прогулки, первой из многих, совершенных потом, обоих детей разбудили на рассвете холодного февральского дня, чтобы проститься с папой и мамой, которые плакали. Понч был совсем сонный, и Юди капризничала.

² Дядя Гарри.

ла.

– Не забывайте нас, – лепетала мама. – Милый мой маленький сынок, не забывай нас и смотри, чтобы Юди помнила нас.

– Я говорил Юди, чтобы она помнила, – сказал Понч, отворачиваясь от бороды отца, которая щекотала его шею. – Я говорил Юди десять, сорок, тысячу раз. Но Юди еще очень маленькая, совсем крошка, правда?

– Да, – сказал папа, – совсем еще крошка, и ты должен быть добр к ней. Ты должен также поскорее выучиться писать и... и...

Понча положили опять в постель. Юди уже заснула, а внизу уже слышался стук колес экипажа.

Папа и мама уехали. И не в Нассик, который был за морем, а куда-нибудь ближе, вероятно, и без сомнения, они должны были вернуться. Они всегда возвращались домой после своих поездок. Конечно, они вернутся и теперь. И Понч проспал спокойно до утра, когда был разбужен черноволосым мальчиком, который сказал ему, что папа и мама уехали в Бомбей и что он и Юди оставлены здесь «навсегда». На протесты Понча ответила Антироза, со слезами подтвердившая, что Гарри говорит правду и что Понч должен быть умницей, встать с постели и одеться. Понч встал и горько плакал вместе с Юди, в хорошенькую головку которой он успел внедрить некоторые понятия о разлуке.

Взрослый человек, увидевший себя покинутым Богом и

людьми, лишенный помощи, привычной обстановки и симпатий, в чуждом и новом для него мире, может дойти до отчаяния, встать на ложный путь или даже кончить самоубийством. Ребенок при подобных обстоятельствах не может охватить сознанием всей глубины постигнувшего его несчастья, проклясть Бога и умереть. Он будет выть до головной боли, до тех пор, пока не опухнут глаза, пока его нос не сделается совершенно красным. Понч и Юди, брошенные на произвол судьбы, вдруг очутились вне родного им мира. Они сидели посреди комнаты и плакали. Черноволосый мальчик смотрел на них издали. Модель корабля не помогала, хотя седой человек уверял Понча, что он может катать корабль сколько угодно, вниз и вверх. Так же не помогало Юди позволение быть в кухне, сколько захочет. Они знали только, что папа и мама уехали в Бомбей, за море, без них, и горе их было безутешно.

Когда прекратились крики, в доме было все тихо. Анти-роза решила дать лучше детям выплакаться, а мальчик ушел в школу. Понч поднял голову от пола и мрачно сопел. Юди почти засыпала. Три года жизни не научили еще ее переносить горе с полным сознанием. Где-то на расстоянии прозвучал удар колокола, оставив за собой тяжелый, продолжительный гул в воздухе. Понч слышал такой звук в Бомбее во время муссонов. Это было море – то море, которое нужно переехать, чтобы быть в Бомбее.

– Вставай, Ю! – закричал он. – Здесь близко море! Я слы-

шу его! Слушай! Они там. Может быть, мы еще догоним их. Они не хотели уехать без нас. Они только позабыли.

– Да, – пробормотала Юди. – Они только забыли. Пойдем к морю.

Дверь комнаты была открыта, садовая калитка также.

– Это очень, очень большое место, – говорил Понч, опасно всматриваясь в лежащую перед ними дорогу. – Но я найду какого-нибудь человека и скажу ему, чтобы он отвез нас домой, – я так делал в Бомбее.

Он взял Юди за руку, и оба побежали без шляп по направлению к морю, откуда доносился звук колокола. Вилла, где они жили, была почти последняя в ряду новых домов, подходивших к полю, окруженному каменным валом и кустарником, где располагались обыкновенно табором цыгане и проводила учения роклингтонская артиллерия. Кругом почти ничего не было, и дети могли быть замеченными только солдатами, строившимися вдали. Более получаса бродили маленькие, усталые ножки среди кустарников, картофельных гряд и песчаных дюн.

– Я устала, – сказала Юди. – И мама будет бранить нас.

– Мама никогда не будет бранить нас. Я думаю, она просто у моря, пока папа покупает билеты. Мы их найдем и поедем вместе с ними. Не садись, Ю. Еще немножко, и мы придем к морю. Ю, если ты сядешь, я брошу тебя, – сказал Понч.

Они вскарабкались еще на одну дюну и спустились затем на отлогий берег бесконечного серого моря. Сотни крабов

копошились в ловушках на берегу бухты, но никакого следа папы и мамы, не было и корабля на море – ничего, кроме песка и воды на бесконечное количество миль.

И Онклегарри случайно нашел их потом очень грязными и очень несчастными. Понч заливался слезами, пытаясь все-таки развлечь Юди крабами в корзинах, а она оглашала безмолвный горизонт жалобными, беспомощными криками «мама, мама!». И опять «мама!»

Вторая корзина

*Увы нам, лишенным души!
Из всех, под обширным небесным
сводом, когда-либо имевших
надежду, мы наиболее потерявшие
ее. Из всех, когда-либо веривших,
мы наиболее изверившиеся.*

Город страшной ночи

До сих пор еще не было сказано ни слова о черной овце. Она пришла позднее, и Гарри, черноволосый мальчик, был главным виновником ее появления.

«Юди – кто мог не любить маленькую Юди?» Так говорили в кухне и так думала и чувствовала тетя Роза. Гарри был единственным ребенком тети Розы, и Понч был лишним мальчиком в доме. Здесь не было определенного места для него и для его маленьких дел, и ему было запрещено забираться на диван и рассказывать о своих планах и надеждах на будущее. Валяются по дивану только лентяи, и от этого портится диван, а маленьким мальчикам нечего много разговаривать. Они должны слушать то, что им говорят, и поступать так, как им приказывают. Полновластный господин дома в Бомбее, Понч никак не мог понять, как это случилось вдруг, что никто не считается с ним здесь, в этой новой жизни.

Гарри мог протянуть руку и взять со стола все, что ему

нужно. Юди могла указать пальчиком и получить то, что просила. Пончу было запрещено то и другое. Седой человек оставался его единственной надеждой много месяцев после отъезда мамы и папы, и он забыл говорить Юди, чтобы она помнила маму.

Упущение довольно извинительное, если принять во внимание, что за короткое время тетя Роза познакомила его с двумя поразившими его ум понятиями. Первое, отвлеченное, называлось Богом, жило, по представлению Понча, в углу, за кухонной печью, потому что там было всегда жарко, и было неизменным другом и союзником тети Розы. Второе – маленькая, грязная книжка, листы которой были испещрены какими-то непонятными точками и значками. В голове Понча сохранились еще некоторые воспоминания из прошлой жизни в Бомбее, и он смешивал рассказ о сотворении мира с индусскими волшебными сказками. Результаты этого смешения он передавал Юди, приводя в ужас тетю Розу. Это был грех, величайший грех, и Пончу говорили об этом в течение четверти часа. Он не смог проникнуться мыслью о важности преступления, но остерегался повторять его, так как тетя Роза сказала ему, что Бог все видит и все слышит и может очень рассердиться. Если это правда, думал Понч, почему же Бог никогда не придет сам и не скажет ему этого. Потом он забыл и слова тети Розы. Затем он научился тому, что Господь единственное существо на свете, более страшное, чем тетя Роза, находящееся за нею и считающее удары

розги.

Чтение оказалось еще более серьезной вещью, чем религия. Тетя Роза сажала его за стол рядом с собой и говорила ему, что «а» и «б» будет «аб».

– Почему? – спрашивал Понч. – «А» есть «а» и «б» есть «бе», почему «а» и «б» будет «аб»?

– Потому что я тебе так говорю, – сказала тетя Роза, – и ты должен повторять за мной.

Понч повторял и через месяц с величайшими усилиями воли одолел грязную книжонку, нисколько не усвоив ее значения и содержания. Его выручал дядя Гарри, который гулял очень много и почти всегда в одиночестве. Он входил в детскую и внушал тете Розе, что Понч должен идти гулять с ним. Он мало разговаривал, зато показал Пончу весь Роклингтон, от грязных отмелей на песчаном берегу бухты до громадных гаваней, где стояли корабли на якорях. Он показал ему доки, где безумолчно стучали машины, и морские склады, и светлые медные монеты в конторе, где получали соверены в обмен на листочки голубой бумаги, как пенсионеры инвалидной кассы. От него же узнал Понч историю Наваринской битвы, во время которой матросы на кораблях оглохли и могли потом объясняться друг с другом только знаками. «Это от грохота выстрелов, – говорил дядя Гарри. – Там и я получил пулю, которая и теперь сидит во мне».

Понч смотрел на него с любопытством. Он не имел ни малейшего представления о том, что такое пуля, и называл так

громадные пушечные ядра, которые видел в доках и которые были больше его головы. Как мог дядя Гарри носить в себе такую пулю? Он не решался спросить, боясь, что дядя Гарри рассердится.

Понч никогда не видел, как люди сердятся, сердятся по-настоящему, до того ужасного дня, когда Гарри взял его ящик с красками, чтобы рисовать вместе лодку. Понч протестовал. Во время этой сцены в комнату вошел дядя Гарри и, пробормотав что-то о «чужих детях», начал бить Гарри палкой по плечам, пока тот не раскричался на весь дом. Прибежала тетя Роза и стала упрекать дядю Гарри в жестокости к собственной плоти и крови, а испуганный Понч дрожал с ног до головы. «Я не виноват», – уверял мальчик Гарри и тетю Розу, обвинявших его, но они укоряли его, что он лжет. В результате он был лишен прогулки с дядей Гарри на целую неделю.

Но эта же неделя принесла и большую радость Пончу.

Он повторял до полного изнеможения фразу: «Кошка лежала на ковре, а крыса вошла в комнату», пока, наконец, не прочел ее совершенно правильно.

– Теперь я умею читать, – сказал Понч, – и больше не буду читать никогда ничего на свете.

Он положил азбуку в буфет, где лежали его учебные книжки, и случайно наткнулся на довольно увесистый том без обложки, с надписью «Sharpe's Magazine». На первой же странице книги он увидал страшную картинку, изображающую

дракона, со стихами внизу. Дракон ежедневно таскал по овце из немецкой деревни, пока не пришел человек с мечом и не разрубил его пополам. Богу одному известно, что такое меч, но здесь был дракон, имевший, конечно, большие преимущества перед надоевшей кошкой.

– Это интересно, – сказал Понч, – и теперь я хочу знать все на свете. – Он читал книжку, пока не стемнело, понимая едва десятую долю прочитанного и мучимый наплывом целого ряда новых слов, тайну значения которых ему необходимо было разгадать.

– Что такое «меч»? Что такое «крошечный ягненок»? Что такое «зеленые паст-би-ща»? – С пылающими щеками забрасывал он этими вопросами тетю Розу, укладывавшую его в постель.

– Читай свои молитвы и спи, – ответила ему на все тетя Роза. И в дальнейшем он находил в тете Розе так же мало опоры в том новом мире, который открыло перед ним искусство чтения.

«Тетя Роза знает только о Боге и тому подобных вещах, – решил Понч. – Дядя Гарри расскажет мне».

Ближайшая прогулка обнаружила такую же беспомощность и со стороны самого дяди Гарри. Он только дал Пончу полную свободу рассказывать и даже сел вместе с ним на скамью, чтобы дослушать рассказ о драконе. Последующие прогулки приносили дяде Гарри все новые и новые рассказы из разных старых книг, открытых Пончем в том же буфете.

Там же прочел он поэмы Теннисона и восхитительные, чудесные приключения Гулливера.

Как только Понч сумел связать между собой несколько крючков и палочек, он послал собственноручное письмо в Бомбей с требованием прислать ему, как можно скорее, «все книжки, какие есть на свете». Такого скромного желания папа не смог исполнить, но прислал ему сказки Гримма и Андерсена. Этого было достаточно. Если бы Понч был представлен сам себе, он всецело погрузился бы в свой, отдельный от всех мир, куда не проникли бы ни тетя Роза с ее Богом, ни Гарри с его приставаниями, ни Юди с ее просьбами поиграть с ней.

– Не мешай мне, я читаю, – урезонивал сестру Понч. – Иди играй в кухне. Тетя Роза пускает тебя туда.

У Юди прорезывались коренные зубы, и потому она была очень раздражительна. Она звала тетю Розу, которая набрасывалась с упреками на Понча.

– Я читаю, – пытался возражать мальчик, – мне нужно читать книгу.

– Это ты только все напоказ делаешь, – говорила тетя Роза. – Играй с Юди и не смей раскрывать книжку целую неделю.

Такая вынужденная игра Понча не могла доставить удовольствия Юди. Была одна маленькая подробность в этом запрещении, которой он не мог объяснить себе, хотя и пытался.

«Мне нравится это, – говорил он себе, – она знает и мешает мне нарочно».

– Не плачь, Ю, ты не виновата. Пожалуйста, не плачь, она подумает, что я обидел тебя.

Юди добросовестно вытирала глаза, и оба играли в своей детской в нижнем этаже, в полуподвале, куда обыкновенно отсылала их тетя Роза после обеда, когда сама ложилась спать. Она пила вино, т. е. что-то из бутылки в погребце, для желудка. Но если она не спала, то приходила в детскую, чтобы убедиться, что дети тут и заняты игрой. Теперь кирпичики, деревянные обручи, кегли и фарфоровая посуда потеряли свое прежнее значение в сравнении с волшебной страной, куда попадали оба, как только открывалась книга или как только начинал Понч рассказывать или читать из нее Юди. В этой стране чудес и пребывали они, пока не приходила тетя Роза и не наказывала их за то, что считала нарушением закона. Она уводила Юди и оставляла Понча играть одного, прибавляя, что она «будет знать все, что он делает».

В этом заявлении было немного утешительного, так как он должен был, во всяком случае, производить шум, соответствующий игре. Проявив немало изобретательности, он приспособился, наконец, соединять игру с чтением. Сделав из кирпичиков стол о трех ногах, он держал грудку кирпичиков под рукой для четвертой ноги и читал в это время сказки. Но в один несчастный день тетя Роза поймала его на этом и уличила во лжи.

Дело было после обеда, когда она бывала большей частью в дурном расположении духа.

– Если ты настолько вырос, чтобы обманывать, – сказала она, – то, значит, можешь выдержать и побои.

– Но... ведь бьют животных, а я не животное, – пробовал возразить Понч.

Он вспомнил палку, которой били Гарри, и побледнел. А у тети Розы была уже припасена легкая трость в руке за спиной, и она начала хлестать его по спине и по плечам. Это было для него откровением. Затем его заперли в комнате и оставили в одиночестве для раскаяния и выработки нового евангелия жизни.

Тетя Роза может бить его, как захочет. Это было несправедливо и жестоко, не может быть, чтобы папа и мама позволили ей это делать. Хотя тетя Роза как будто намекала на секретные распоряжения, полученные ею. Если это так, то он, конечно, вполне в ее власти. Надлежало быть осторожным в будущем, чтобы умиловить тетю Розу. Хотя опять-таки это очень нелегко, потому что даже в тех случаях, когда он не был ни в чем виноват, его обвиняли, что он «выставляется напоказ». Так выставлялся он перед гостями, которых осаждал разными вопросами о драконе, мече, волшебной колеснице и тому подобных предметах, представляющих для него высший интерес в настоящей жизни. Очевидно, от тети Розы никак не убережешься.

На этом пункте размышлений в комнату вошел Гарри,

остановился в отдалении и смотрел с отвращением на Понча, скорчившегося в углу.

– Ты лгун, маленький лгун, – сказал Гарри, выговаривая эти слова с видимым удовольствием. – И ты должен пить чай здесь, потому что мы не хотим разговаривать с тобой. И с Юди ты не будешь разговаривать, пока мама не позволит тебе. Ты испортишь ее. Ты можешь разговаривать только с прислугой. Это мама сказала.

Повергнув Понча в новый прилив отчаяния, Гарри отправился наверх с известием, что Понч все еще упрямится.

Дядя Гарри сидел, нахмурившись, в столовой.

– Черт побери, Роза, – сказал он наконец, – разве ты не можешь оставить ребенка в покое? Я ничего худого за ним не замечаю.

– Он подлизывается к тебе, Генри, – сказала тетя Роза, – но я опасаюсь, очень опасаюсь, что он в семье, как Черная овца в стаде.

Гарри слышал это определение и запомнил его. Юди заплакала, пока ей не приказали перестать, говоря, что ее брат не стоит слез. Вечер закончился возвращением Понча в верхние апартаменты, причем он сидел в отдалении от всех, и весь ужас адских мучений был разоблачен перед ним стараниями тети Розы.

Самые большие огорчения, однако, доставляли Пончу круглые глаза Юди, смотревшие на него с выражением несомненного упрека. И он ушел спать, погруженный в глубочай-

шие пропасти скорби и унижения. Он спал в одной комнате с Гарри, а потому знал, что мучения его не кончатся и здесь. Часа полтора еще донимал его этот юный господин, вдохновленный назиданиями матери, приставая с вопросами, зачем он солгал и как он мог решиться на такой ужасный грех.

С этого дня началось падение Понча, или отныне Черной овцы.

– Раз солгал в одном, так уж ни в чем нет тебе веры, – говорила тетя Роза, и Гарри чувствовал, что Черная овца отдается в его руки. Он будил его даже среди ночи вопросом, зачем он такой лгун.

– Я не знаю, – отвечал Понч.

– Так молись Богу, чтобы он вложил тебе другое сердце.

– Хорошо.

– Вставай и молись!

И Понч вскакивал с постели, с бешеной ненавистью в душе ко всему видимому и невидимому миру. Оторванный от сна и в полном душевном смятении, он сбивался с толку искусным перекрестным допросом Гарри, в точности воспроизведенным утром тете Розе.

– Но я вовсе не лгал, – пытался выпутаться Понч, чувствуя вместе с тем всю безнадежность своего положения. – Я не говорил, что молился два раза в день. Я сказал, что один раз, а во вторник два раза. А Гарри не понял. Я не лгал...

И так далее, до слез, после которых его выгоняли из-за стола.

– Зачем ты такой нехороший? – спрашивала Юди, убежденная перечнем ужасных преступлений Понча. – Прежде ты не был таким дурным.

– Не знаю, – был ответ Черной овцы. – Они мне надоедают. Я хорошо знаю, что делал, так и говорю, а Гарри все переворачивает на свой лад, и тетя Роза ему верит. О, Ю! Не верь им, что я дурной!

– Тетя Роза говорит, что ты нехороший, – сказала Юди. – Она сказала вчера это и священнику.

– Зачем она всем рассказывает обо мне? Это нехорошо, – сказал Черная овца. – Когда я делал что-нибудь дурное в Бомбее, мама говорила папе, и папа говорил мне, что было нужно, вот и все. Чужие люди ничего не знали, даже Мита не знал.

– Я не помню, – задумчиво говорила Юди. – Я была маленькая тогда. Мама тебя любила так же, как меня, правда?

– Конечно. И папа тоже. И все другие.

– Тетя Роза больше любит меня, чем тебя. Она называет тебя лгуном и Черной овцой. И не велит мне разговаривать с тобой.

– Всегда? Даже тогда, когда я ничего не сделал?

Юди печально кивнула головой.

Черная овца в отчаянии отвернулся, но руки Юди обвились вокруг его шеи.

– Ничего, Понч, – шептала она. – Я буду разговаривать с тобой так же, как и прежде. Ты мой, мой братец, хотя ты и...

хотя тетя Роза и говорит, что ты дурной, и Гарри говорит, что ты маленький трус. Он говорит, что, если бы я выдрала тебя за волосы, ты стал бы плакать.

– Ну выдери.

Юди осторожно дернула его за волосы.

– Дергай как следует, так сильно, как можешь!.. Так!.. Если ты сама захочешь дергать меня за волосы, то можешь, сколько хочешь. Но если Гарри придет сюда и заставит тебя дернуть меня за волосы, я знаю, что заплачу.

Дети скрепили дружеский союз поцелуем, и сердце Черной овцы смягчилось. Соблюдая самую тщательную осторожность в разговорах с Гарри, он заслужил прощение тети Розы и получил возможность читать беспрепятственно в продолжение недели. Дядя Гарри брал его с собой гулять и старался утешить его своими неуклюжими ласками, никогда не вспоминая прозвище Черная овца.

– Будет с тебя, Понч, – говорил он обыкновенно. – Посидим теперь. Я устал.

Они ходили гулять теперь не к бухте, а на Роклингтонское кладбище через картофельные поля. С час сидел старик на какой-нибудь из могильных плит, пока Понч бродил по кладбищу и читал надписи на памятниках и крестах. Затем дядя Гарри вставал со вздохом и тяжелой поступью направлялся к дому.

– Скоро и я здесь лягу, – сказал он в один зимний вечер Пончу, и бледное лицо его напоминало в это время старую,

стертую серебряную монету. – Не говори только тете Розе.

Еще через месяц он неожиданно повернул назад во время утренней прогулки и с трудом дошел до дому.

– Уложи меня в постель, Роза, – сказал он. – Больше я уж никогда не пойду гулять. Пуля зашевелилась во мне.

Его уложили в постель, и две недели, пока болезнь и близость смерти царили в доме, Черная овца был предоставлен самому себе. Папа прислал ему еще несколько новых книг, и ему не велели только шуметь. Он опять ушел в свой собственный мир и был счастлив. Даже ночью никто не нарушал его блаженства. Он мог спокойно лежать в постели и мечтать о путешествиях и приключениях, так как Гарри спал теперь внизу.

– Дядя Гарри скоро умрет, – сказала Юди, которая почти не расставалась с тетей Розой.

– Мне очень жаль дядю, – грустно сказал Черная овца. – Он давно уж сказал мне об этом.

Тетя Роза слышала разговор.

– Ничто, кажется, не удержит твой скверный язык, – сказала она сердито. Глаза ее были обведены темными кругами.

Черная овца поспешил скрыться в детскую, чтобы погрузиться там в чтение о кометах. Книга эта считалась «греховной», и потому ему запрещали открывать ее, но теперь тете Розе было не до него.

– Я рад, – сказал Черная овца. – Она теперь несчастна. Но я не солгал. Ведь я действительно знал, только он не велел

мне говорить.

Ночью Черная овца проснулся испуганный. Гарри не было в комнате; снизу слышались рыдания. Затем в темноте прозвучал голос дяди Гарри, поющего песню о битве при Наварине.

«Ему лучше», – подумал Черная овца, который знал наизусть эту песню. Но темнота, одиночество и голос, продолжавший петь мрачную песню, заставляли дрожать его от страха в своей постели.

– Дядя Гарри! – невольно воскликнул он и сейчас же испугался собственного голоса.

Дверь отворилась, и тетя Роза прошипела с лестницы:

– Тише! Ради Бога, тише, ты, маленький чертенок! Дядя Гарри умер!

Третья корзина

Каждый сын мудрого знает, что томительный путь кончается встречей с мильми сердцу.

«Не знаю, что будет теперь со мною, – думал Черная овца, когда были окончены полуязыческие похоронные церемонии, назначенные для людей среднего класса, и тетя Роза, еще более страшная в черном крепе, вернулась к прежнему течению жизни. – Кажется, ничего дурного я еще не сделал. Но она стала очень печальная после смерти дяди Гарри и Гарри тоже. Я буду сидеть в детской».

Но, к несчастью для этих планов Понча, было решено, что он будет посещать школу, где учился Гарри. Это могло заменить утреннюю прогулку с дядей Гарри и, может быть, также вечернюю, но мечтам о свободе не суждено было сбыться.

«Гарри будет говорить обо всем, но я постараюсь не делать ничего дурного», – думал Черная овца. Утвердившись в этих добродетельных намерениях, он пошел в школу и там нашел уже готовую репутацию, созданную ему Гарри, и, конечно, это новое обстоятельство не служило к украшению его начинающейся новой жизни. Он стал сторониться своих товарищей. Некоторые из них были очень грязны, некоторые говорили на незнакомом ему языке. Там было два еврея и один негр, или кто-то другой, только совершенно черный.

«Даже Мита смеялся бы над ним, – сказал себе Черная овца. – Я не думаю, чтобы это было приличное место». Он сердился на всех, по крайней мере, с час, пока не поразмыслил, что каждое выражение чувств с его стороны будет считаться тетей Розой «выставлением напоказ», а Гарри расскажет обо всем мальчикам.

– Как тебе понравилась школа? – спросила тетя Роза в конце первого дня.

– Мне кажется, там очень хорошо, – спокойно сказал Понч.

– Надеюсь, ты предупредил мальчиков о характере Черной овцы? – спросила тетя Роза Гарри.

– О, да, – ответил цензор нравственных качеств Черной овцы. – Они все знают о нем.

– Если бы я жил с отцом, – сказал Черная овца, задетый за живое, – я не стал бы и разговаривать с этими мальчиками. Он не позволил бы мне. Они живут в лавчонках. Я видел, как они входили туда. Их отцы мелочные торговцы.

– Ты слишком хорош для этой школы, не правда ли? – спросила с насмешливой улыбкой тетя Роза. – А по-моему, ты должен быть благодарен, Черная овца, этим мальчикам, если они будут разговаривать с тобой. Не всякая школа держит лгунов у себя.

Гарри, конечно, не преминул воспользоваться мнением Черной овцы о товарищах, так неосторожно высказанным им. В результате некоторые из товарищей скоро дали Пончу

наглядные доказательства относительно равенства рас и людей вообще посредством здоровой трепки. В утешение теть Роза сказала, что это послужит ему хорошим уроком за чванство. Постепенно он приучился скрывать свое мнение и подделываться к Гарри, нося его книги в школу и оказывая разные другие мелкие услуги. Существование его было не из радостных. С десяти до двенадцати и затем с двух до четырех часов он проводил в школе, и так каждый день, кроме субботы. Вечером его отсылали в детскую готовить уроки к завтрашнему дню, а ночью его будил Гарри для перекрестного допроса. Юди он видел очень редко. Она была чрезвычайно религиозна – в шесть лет религия усваивается довольно легко – и обидно разделяла свою прежде нераздельную любовь к Черной овце между ним и тетей Розой.

Скупая вообще на привязанности женщина здесь отвечала на чувство полностью. Юди часто пользовалась своим исключительным положением, чтобы выпросить смягчение наказания Черной овце. Плохое знание уроков в классе вело за собой запрещение в течение недели читать какие-либо книги, кроме учебников, и Гарри с особенным удовольствием приносил домой известия о школьных неприятностях. Затем Черную овцу обязали отвечать на сон грядущий уроки Гарри, который отличался особенным искусством доводить его до отчаяния и затем утешать самыми мрачными предсказаниями на завтрашний день. Гарри удачно совмещал в себе качества шпиона, насмешника, инквизитора и подруч-

ного палача тети Розы. Все эти обязанности он выполнял с отменным усердием. Теперь, после смерти дяди Гарри, он ни перед кем не был ответствен за свои поступки. Черной овце не удавалось поддерживать свое достоинство ни в школе, ни дома, где он был унижен до последней степени. Он был благодарен за доброе слово каждой прислуге, которые часто менялись в доме, так как все непременно оказывались лгуныями. «Всех вас повесить бы на одну осину с Черной овцой», – слышала непременно каждая Дженни или Элиза из уст тети Розы, не прослужив у нее и одного месяца. И все эти девицы быстро осваивались с положением Черной овцы в доме и всецело приравнивали его к себе. Гарри был у них «мастер Гарри», Юди официально называлась «мисс Юди», а Черная овца всегда был только Черной овцой.

С течением времени стиралась память о папе и маме, превращаясь постепенно в одну неприятную обязанность писать каждое воскресенье письма под наблюдением тети Розы. Мало-помалу Черная овца утратил всякое представление о жизни до переезда сюда. Даже предложения Юди поговорить о Бомбее не оживляли его.

– Я ничего не помню, – говорил он. – Мне кажется только, что все там делали, что я хотел, а мама целовала меня.

– Тетя Роза будет целовать тебя, если ты будешь хорошим, – благоразумно возражала Юди.

– Фу! Я не хочу, чтобы тетя Роза целовала меня! Она скажет, что я подлизываюсь к ней, чтобы поесть побольше или

выпросить что-нибудь.

Неделя за неделей проходили месяцы, и приближались каникулы, но как раз перед каникулами Черная овца впал в смертный грех.

Среди мальчуганов, которых Гарри науськивал на Черную овцу, говоря, что его можно тuzить, потому что он не смеет сопротивляться, был один особенно назойливый. Однажды он пристал к Черной овце в ту минуту, когда, на беду, Гарри не было поблизости. Черная овца, разъяренный ударом кулака изо всей силы, бросился на обидчика и подмял его под себя. Тот заревел. Черная овца опьянел от своего успеха и, не чувствуя отпора, начал с яростью молотить руками и ногами своего врага с добросовестным намерением убить его. Прибежавшие товарищи и Гарри оторвали его от противника и притащили домой дрожащего, но торжествующего. Тети Розы не было дома. Не дожидаясь ее прихода, Гарри начал сам читать проповедь Черной овце о грехе убийства, которое приравнивал к убийству Каином Авеля.

– Почему ты не боролся с ним открыто? Зачем ты бил его, когда он лежал, несчастная дворняжка?

Черная овца посмотрел на горло Гарри, а потом на ножик на обеденном столе.

– Я ничего не понимаю, – сказал он усталым голосом. – Ты всегда натравливал его на меня и дразнил меня трусом, когда я ревел. Оставь меня в покое, пока не придет тетя Роза. Все равно она будет меня бить, если ты скажешь, что меня

нужно бить, ну и успокойся, значит, все хорошо.

– Ничего нет хорошего, – высокомерно заявил Гарри. – Ты почти убил его, и я думаю, он умрет.

– Умрет? – спросил Черная овца.

– Я уверен, – отвечал Гарри, – и тогда тебя повесят, и ты пойдешь в ад.

– И прекрасно, – ответил Черная овца, хватая нож со стола. – Я и тебя убью. Ты всегда говоришь, что со мной это будет. Ты никогда не оставляешь меня в покое. Ну и пусть будет!

Он побежал с ножом к Гарри, и тот бросился наверх, грозя отколотить его, когда вернется тетя Роза. Черная овца сидел на лестнице с ножом в руке и плакал о том, что не убил Гарри. Прислуга пришла из кухни, взяла у него нож и старалась успокоить и утешить его. Но Черная овца был безутешен. Его избьет тетя Роза, потом избьет Гарри, потом Юди не позволят с ним говорить, потом обо всем расскажут в школе, потом...

Неоткуда было ждать помощи, нечего было беречь, и лучшим исходом из положения была бы смерть. Ножик может ранить, но еще в прошлом году тетя Роза говорила ему, что он умрет, если будет сосать краску. Он пошел в детскую, открыл давно уже забытый Ноев ковчег и обсосал всю уцелевшую на животных краску. Вкус был отвратительный, но он тщательно облизал всех обитателей ковчега и кончал уже голубя, когда вернулись тетя Роза и Юди. Поднявшись наверх,

он приветствовал их такими словами: «Тетя Роза, я, кажется, почти убил мальчика в школе и хотел убить Гарри. Так, пожалуйста, когда вы скажете все относительно Бога и ада, отколотите меня поскорее и отпустите».

Рассказ об убийстве в передаче Гарри произвел громадное впечатление, и было решено, что Черная овца одержим дьяволом. Его усердно била тетя Роза и потом, когда он был уже достаточно усмирен, Гарри. Он выносил все, как каменный, и торжествовал. Сегодня ночью он умрет и освободится от всех. Нет, он не будет просить прощения у Гарри и, разбуженный поздно вечером, не будет отвечать на его вопросы, хотя бы даже он и назвал его «маленьким каином».

– Я дрался и делал разные гадости, – говорил он. – И мне все равно. Если ты будешь ночью разговаривать со мной, Гарри, я могу убить тебя. А если ты хочешь, убей меня, хоть сейчас.

Гарри унес свою постель в другую комнату, и Черная овца лег спать один.

Может быть, мастер, изготавливавший Ноев ковчег, знал, что его животные попадут в детский желудок, потому разукрасил их соответствующим образом. Достоверно известно, что Черная овца, проснувшись на другой день утром, чувствовал себя совершенно здоровым и хотя несколько пристыженным, но обогащенным новыми сведениями о том, как защищаться в будущем от Гарри.

Придя к завтраку в первый день каникул, он узнал, что

тетя Роза, Гарри и Юди уехали в Брайтон, оставив его дома с прислугой. Его поведение в последние дни вполне соответствовало планам тети Розы. Оно оправдывало ее намерения отделаться, хотя бы на время, от тяготившего ее ребенка. Папа в Бомбее, как будто зная, в чем нуждался юный преступник в это время, прислал ему целый пакет новых книг. С ними и в обществе Дженни, получавшей на еду, Черная овца оставался целый месяц.

Книг хватило на десять дней. Они поглощались с неимоверной быстротой, при чтении по двенадцати часов в день. После этого настали дни полного безделья. Погруженный в мечты о воображаемых приключениях, он бродил вверх и вниз по лестнице, считая балясины, или ходил по комнатам, измеряя их шагами в длину, ширину и по диагонали. Дженни завела многочисленных друзей и, взяв клятву с Черной овцы, что он ничего не скажет тете Розе, исчезала на целые дни. Черная овца следил за лучами заходящего солнца от кухни до столовой и оттуда в своей комнате наверху, пока не становилось совсем темно. Затем он возвращался в кухню, зажигал огонь и начинал читать. Сначала он был счастлив, что его оставили в покое и он может читать, сколько хочет, но потом одиночество стало пугать его. Он стал бояться темноты, стука дверей и скрипа ставень. В саду его пугал шелест листьев на деревьях.

Он был рад, когда вернулись все – тетя Роза, Гарри и Юди, – посвежевшие и веселые, и Юди, нагруженная подар-

ками. Кто мог не любить послушную маленькую Юди? В ответ на ее веселую болтовню Черная овца мог сообщить только результаты измерений комнат.

Затем пошло все по-старому, с небольшой только разницей и новым грехом. К прежним беззакониям Черной овцы присоединилась теперь удивительная неуклюжесть – он стал так же неловок в действиях, как был прежде в словах. Он никогда не был уверен, что не испортит вещь, к которой прикасался. Он не только разбивал стаканы, попадавшие в его руки, но и расшибал собственную голову о запертые двери. Какой-то серый туман закрыл все, окружающее его, и он сгущался с каждым месяцем, пока, наконец, Черная овца не нашел себя совершенно одиноким в мире призраков, являющихся ему среди бела дня на месте развевающихся занавесок и висящих на вешалке платьев.

Каникулы наступали и кончались, и Черная овца видел много людей, лица которых казались ему похожими одно на другое. Его били, когда это требовалось, и Гарри мучил при каждом удобном случае, и он на все отвечал молчанием, по просьбе Юди, которая сама навлекала за это на себя гнев тети Розы.

Недели шли за неделями, и папа с мамой были совершенно забыты. Гарри кончил школу и был уже клерком в банковской конторе. Освобожденный от его присутствия, Черная овца решил, что может теперь вполне отдаться своей страсти к чтению. Пропуская уроки в школе, он уверял тетю Розу,

что там все идет хорошо, и восхищался тем, что обманывал ее так легко. «Она назвала меня маленьким лгуном, когда я не лгал, – говорил он себе, – а теперь я делаю это, и она не знает». Тетя Роза верила ему в прошлом, но скрывала это из стратегических целей, которые, конечно, никогда не приходили ему в голову. Из страха быть уличенным в небольшой лжи, он пускался на разные хитросплетения и выдумки. И ему нетрудно было делать это там, где невиннейшие мотивы его поступков и малейшее естественное стремление порисоваться истолковывались как корыстное желание получить большую порцию хлеба или ветчины или выслужиться перед чужими людьми. Тетя Роза могла проникнуть в некоторые тайники его измышлений, но не во все. Он противопоставлял свою детскую хитрость ее, и небезуспешно. Так месяц за месяцем продолжалась борьба между книжками школьными и не школьными в ущерб восприятию тех и других. И так существовал Черная овца в мире теней, среди сгущавшегося вокруг него тумана, отрезающего его от всего окружающего. Он рисовал в своем воображении ужасные наказания для «дорогого Гарри» или плел сеть обмана, обволакивающую тетю Розу.

Но время катастрофы наступило, и сеть обмана была разорвана. Немыслимо было все и всегда предвидеть. Тетя Роза произвела личное расследование об успехах Черной овцы и была поражена результатами. Шаг за шагом, с таким же острым наслаждением, какое она испытывала, уличая недоеда-

ющую прислугу в краже холодного мяса, выискивала она теперь следы преступлений Черной овцы. В течение недель и месяцев, чтобы избежать исключения из школы, обманывал он тетю Розу, Гарри, Бога и весь мир. Ужас, невообразимый ужас и явно испорченная нравственность.

Черная овца перечислял свои преступления. «Будет здоровая потасовка; затем она повесит мне на спину доску с надписью „лгун“. Затем Гарри сначала отколотит меня, потом будет молиться за меня, она тоже будет читать молитвы и называть меня исчадием дьявола, потом заставит учить гимны. Хотя она будет уверять, что все знала. Она тоже старая лгунья», – говорил он себе.

На три дня был заперт Черная овца в свою комнату, чтобы приготовить душу к раскаянию. «Будет две потасовки. Одна в школе и одна здесь. Здешняя будет больше». Так и случилось, как он думал. Его колотили в школе, в присутствии белых и черных учеников, за гнусное преступление – составление фальшивых свидетельств об успехах для домашних. Затем его колотила дома тетя Роза за то же. Кроме того, она приготовила вывеску на его спину, хотела повесить ее и заставить его идти гулять в таком виде по улицам.

– Если вы заставите меня это сделать, – сказал Черная овца совершенно спокойно, – я подожгу дом и убью вас. Не знаю, удастся ли мне убить вас, потому что вы большая и сильная, но я попробую.

Нового наказания за это богохульство не последовало, хо-

Тя Черная овца держался все время наготове, чтобы схватить тетю Розу за старую шею, как только она начнет бить его. Возможно, что тетя Роза и побаивалась Черной овцы, дошедшего до последнего предела греха, опасалась нового взрыва озлобления.

Среди этих тревог и волнений в вилле появился гость из-за моря, знавший папу и маму и имевший поручение посмотреть Понча и Юди. Черная овца был приглашен в гостиную и усажен за чайный стол.

– Осторожнее, осторожнее, маленький человек, – сказал гость, когда он чуть не уронил посуду со стола. Затем он мягким движением повернул его лицо к свету.

– Что это там за птица сидит на заборе? Видишь, какая большая?

– Какая птица? – спросил Черная овца.

Гость с полминуты пристально смотрел в глаза Черной овцы, затем воскликнул:

– Боже мой, ведь мальчик почти слеп.

Гость отнесся очень серьезно к состоянию здоровья Черной овцы. Он распорядился под свою ответственность, чтобы мальчик был тотчас же взят из школы и не открывал книги до приезда матери.

– Она будет здесь через три недели, как тебе, без сомнения, уже известно, – сказал он. – А я сахиб Инверарити. Я ввел тебя в этот скверный мир, мой юный друг, и, кажется, ты недурно воспользовался своим временем здесь. Теперь же

ты не должен ничего решительно делать. Исполнишь ты это?

– Да, – ответил Понч равнодушно.

Он знал, что мама придет. И ждал новых колотушек. Слава богу еще, что папа не придет. Тетя Роза говорила в последнее время, что его должен бить мужчина.

Три следующие за тем недели Черной овце не позволяли ничего делать. Он проводил время в своей старой детской, рассматривая свои старые игрушки и готовясь дать за них отчет маме. Тетя Роза била его по рукам, даже когда он ломал простую деревянную ложку. Но этот грех был еще маловажен, в сравнении с какими-то новыми разоблачениями, которые таила до поры до времени в своей душе тетя Роза.

– Когда придет твоя мать, – говорила она мрачно, – и услышит, что я расскажу ей о тебе, она узнает, каков ты есть.

И она тщательно оберегала Юди от влияния брата, которое могло быть губительным для ее детской души.

И мама приехала, впорхнула, нежная и возбужденная. Так вот она какая, мама! Она совсем молодая, легкомысленно молодая, и такая прелестная, с нежно цветущими щеками, с горящими, как звезды, глазами и с таким голосом, который сразу привлекал детей в ее объятия. Юди бросилась к ней, но Черная овца остановился в своем порыве. Может быть, и она подумает, что он хочет «выставиться»? Она не обняла бы его, если бы знала о всех его преступлениях. Могла ли она узнать своего любимца в Черной овце? Остались ли в нем его любовь и доверие к ней? Черная овца не знал этого. Тетя

Роза удалилась и оставила маму на коленях между обоими детьми, смеющуюся и плачущую, в той самой зале, где бурно выражали свое детское отчаяние Понч и Юди пять лет назад.

– Ну что же, цыплятки, помните ли вы меня?

– Нет, – откровенно заявила Юди, – но я каждый вечер молилась, чтобы Бог помиловал папу и маму.

– Немного, – сказал Черная овца. – Но помню, что я писал тебе каждую неделю. И это было не для того, чтобы отличаться, а для того, чтобы чего-нибудь потом не вышло.

– Что не вышло бы потом? Что могло выйти потом, дорогой мой мальчик?

И она снова потянула его к себе. Он подошел не сразу, неловко упираясь. «Нужно оставить его в покое, – подсказало тотчас же материнское сердце. – С девочкой проще».

«Она слишком маленькая, чтобы прибить больно, – подумал Черная овца, – и если я скажу ей, что убью ее, она испугается. Воображаю, что скажет тетя Роза!»

В конце запоздавшего обеда мама взяла на руки Юди и уложила ее в постель, осыпая ласками. Маленькое вероломное создание уже изменило тете Розе, чем больно уязвило эту леди. Черная овца встал, чтобы идти в свою комнату.

– Пойди сюда, хотя бы простишься со мной, – сказала тетя Роза, подставляя щеку.

– Вот еще! – ответил Черная овца. – Я никогда не целовал вас и не намерен подлизываться к вам. Расскажите этой женщине, что я сделал, посмотрим, что она скажет.

Черная овца лег в постель с чувством, что потерял рай, проскользнув уже в его двери. Но через полчаса «эта женщина» стояла уже наклонившись над ним. Черная овца поднял правую руку. Как это было нехорошо – прийти к нему, чтобы бить его ночью, в темноте. Так не поступала даже тетя Роза. Но удара не последовало.

– Нечего ко мне подлизываться; все равно я ничего не скажу вам, кроме того, что сказала тетя Роза, да и она не все знает, – проговорил Черная овца настолько ясно, насколько не мешали ему руки, обвившие его шею.

– О сынок мой... маленький мой, маленький сынок! Это моя вина, моя, дорогой мой, как же теперь исправить ее? Прости меня, Понч. – Голос замер, перешел в неясный шепот, и две горячих слезы упали на лоб Черной овцы.

– О чем же ты плачешь? – спросил он. – Разве она и тебя обидела? Дженни тоже плакала. Но ведь ты хорошая, а Дженни – «прирожденная лгунья», тетя Роза ее так называет.

– Будет, Понч, будет, родной мой, не говори так. Попытайся любить меня, хотя немного, хоть капельку. Ты не знаешь, как это важно для меня. Понч-бэби, вернись же опять ко мне! Я твоя мать, твоя собственная мать, и все остальное ничего не значит. Я знаю это, знаю, ненаглядный мой. Теперь все будет хорошо. Понч, любишь ли ты меня хоть немного?

Удивительно, каким ручным сделался этот большой, десятилетний мальчик, когда почувствовал, что над ним не смеются. Черная овца никогда не пользовался ничьим внима-

нием, а теперь эта прелестная женщина обращается с ним – Черной овцой, исчадием дьявола и будущей несомненной пищей неугасимого пламени, – как можно обращаться с маленьким Богом.

– Я очень, очень люблю тебя, мама, дорогая, – шепнул он наконец. – Я рад, что ты вернулась. Но уверена ли ты, что тетя Роза все рассказала тебе?

– Все... Ну что это значит? Только... – Голос прервался рыданиями, похожими на смех. – Понч, бедный мой любимец, дорогой мой, слепой мальчик, как же ты не подумал, что этого все-таки не следовало делать?

– Я обманывал, чтобы меня не били.

Мама содрогнулась и скоро исчезла в темноте... Она писала длинное письмо папе. Вот вкратце его содержание:

«...Юди милая, маленькая толстушка, обожает эту женщину и религиозна, насколько можно быть религиозной в восемь лет. И, когда я пишу тебе это письмо, дорогой Джек, она спит здесь, на моей постели. Понча я не могу еще разобрать. Он не выглядит истощенным, но, кажется, раздражен и измучен постоянной необходимостью путаться в мелкой лжи, которую эта женщина возвела в смертный грех. Мы должны помнить, дорогой мой, что во всем этом большая доля нашей вины. Но я надеюсь снова привлечь к себе Понча, и уже навсегда. Я возьму детей к себе, чтобы они снова были вполне моими. Я довольна уже тем, что могу пока это сделать, но буду счастлива совершенно, когда ты, дорогой мой мальчик,

приедешь домой, и мы снова будем все под одной крышей!»

Через три месяца Понч, больше уже не Черная овца, почувствовал, наконец, совершенно определенно, что он действительно обладает своей собственной, дорогой, милой, любимой мамой, которая в то же время его сестра, утешительница и друг, и вместе с тем он сам может быть ее защитником до приезда домой отца. Обманывать не приличествует защитнику и, когда можно делать многое, даже не спрашивая, зачем обманывать?

– Мама будет очень сердиться, если ты будешь ходить по лужам, – говорит Юди, продолжая начатый раньше разговор.

– Мама никогда не сердится, – возражает Понч. – Мама скажет только, что я пачкун и что это вовсе не красиво.

Понч залезает в грязь по колено.

– Мама, дорогая, – кричит он, – я вымазался с головы до ног!

– Так беги же скорее и переоденься, маленький пачкун! – слышится из окна звонкий голос мамы.

– Слышишь?! – говорит Понч. – Что я говорил тебе! Теперь совсем не то. Мама с нами и как будто никогда не уезжала. Теперь все кончено.

Не вполне так, Понч. Когда молодые уста глубоко погрузились уже в горький напиток ненависти, подозрения и отчаяния, никакая любовь на свете не может снять с них эти капли яда без остатка. Хотя она и может вернуть свет в тем-

ноту и дать веру неверующему.